

ТРАДИЦИОННЫЙ КИТАЙСКИЙ ДОМ КАК СУБЪЕКТ ОБРЯДА ГОСТЕПРИИМСТВА

И. В. Морозов,

*доктор культурологии, профессор,
профессор кафедры менеджмента социально-культурной деятельности;*

Сюй Исун,

*соискатель ученой степени кандидата культурологии
Белорусского государственного университета культуры и искусств*

Гостеприимство относится к тем немногим обыкновениям культуры, априори предполагающим эмпатию и заведомую заботу о взрослых людях, которые не приходится родственниками или знакомыми.

Искони смысл гостеприимства связан с тем, что приютить кого-то и дать кров нередко означало спасти ему жизнь, будь он хорошо знакомый или человек случайный. Отсюда издревле полагалось, что моральный долг по отношению к гостям состоит в том, чтобы оказывать им почести не только ради них самих, но и ради собственной добродетели, чтобы обнадежить себя аналогичным отношением в случае потребности в собственном укрытии и защите [4; 5].

За богатую историю своего существования и эволюции гостеприимство вобрало в себя множество семантически и символически значимых форм выражения. В этой связи можно говорить о своеобразной культуре и даже о культе гостеприимства.

Эмоционально-психологический, а также культурный смысл гостеприимства состоит в добровольном допуске некоего пришельца в свое личное (семейное) обжитое пространство, которое истари ассоциировалось с домом-жилищем, поскольку «мой дом» изначально становится символическим продолжением человека, его обитателя и владельца, закрепленным в достаточно внятных, видимых и осязаемых границах – в стенах и кровле. В гостеприимстве также исходно заложено доверие, на основе которого хозяин берет гостя под свою защиту и при этом открывается ему, отворяя двери своего дома, словно свою душу. Потому дом есть олицетворение своего хозяина и повествует о нем больше, чем самые пространственные вербальные выражения, и тогда, когда уже никакие слова не помогают или

попросту не находятся для этого. Тем более для иноязычного гостя.

Нередко гостеприимство рассматривается как социальный институт, который сформировался по мере роста путешествий и торговых связей и развивался в процессе интенсификации коммерческой деятельности и сферы туризма. Однако в последнее время о гостеприимстве стали чаще говорить с точки зрения глобальной аналитики, в контексте межкультурного общения и культурологии в целом. Такой подход предполагает, что гостеприимство существует как достаточно самостоятельное и значимое для понимания культур явление благодаря своему разнообразию, различным традиционным практикам и одновременно универсальности в контексте общечеловеческой культуры.

Феномен этот объясняется проявлением в нашем мировосприятии смыслообразующих бинарных оппозиций – внутреннее и внешнее, мое и чужое, «Я» и «Другой» – и все взаимодействия строятся по этому принципу [3, с. 22]. Поэтому идея и образ «Другого» является центральным персонажем сюжетов о гостеприимстве и в культурологической концепции традиционного дома, который выполняет важнейшую реальную и символическую миссию «ближнего контура», «оборонительного периметра» вокруг его обладателя и всех его домочадцев.

Родовой дом, как и племенное поселение, – естественный центр мироздания, а все остальное вне зависимости от реальной удаленности от этого культурного эпицентра предстает другим, чуждым и, как следствие непредсказуемости, опасным, угрожающим. А в итоге – сакральным, то есть буквально потусторонним, мистическим, «кровом» неведомых, «не своих» сил и божеств. «Человек, который живет в своем доме, в своем клане, живет в светском мире, но как только он отправляется в путешествие и оказывается в качестве чужака вблизи неизвестного лагеря, то оказывается уже в сфере сакрального» [2, с. 16–17].

Однако и для гостя дом, приютивший его, неминуемо становится сакральным, заведомо доброжелательным, благодатным, отсылающим к религиозным образам и мотивам. Ведь вне зависимости от формы исполнения обряда гостеприимства забота, ублажение, почет гостя надежно сохраняются практически всеми народами в качестве ценнейшей традиции, достояния

повседневной и праздничной культуры. Корни этой обрядовости питаются в наиболее древних пластах общечеловеческой культуры. Ведь для того, чтобы выжить, человек должен быть допущенным к пребыванию в этом пространстве, которое для его владельца является замкнутым. За это он может взаимно рассчитывать на поддержку и помощь гостя, будучи объединенным с ним территорией и духом дома [6].

Непосредственно сам обряд, а учитывая его религиозные аспекты, ритуал традиционно сложился в целые, отлаженные поколениями многосюжетные представления. Основным же сюжетом ритуала гостеприимства искони укрепился обряд непосредственного навещания, включающий и встречу, и расставание хозяина дома и его гостя. Форма, продолжительность и атрибутика этого действия зависели от ряда причин, в том числе от важности ситуации и социального статуса его участников. Наиболее простая форма этого обряда разыгрывалась между близкими родственниками или друзьями в повседневном общении, в «домашней обстановке».

Так, для традиционной китайской культуры он начинается с уборки и украшения дома, что производится загодя, как только становится известно о предстоящем гостевом визите. Особое внимание уделяется гостиной и лестнице, где встреча, взаимное приветствие, собственно, и происходят. При этом обе стороны своеобразно отдают честь друг другу и также обрядово проходят в комнату, которую можно назвать гостевой. Тут важны всяческие детали: кто идет впереди, по какую сторону от хозяина должны следовать гости и подобает ли им оглядываться по сторонам и т. д. Завершив эту своеобразную церемонию, хозяин приглашает гостей к столу, а гости скромно уступают. Обязательна и чайная церемония. Во время нее ведутся разговоры, при которых обе стороны должны быть серьезными и в словах своих, и во взглядах, коим запрещено блуждать по комнате и смотреть друг на друга... После окончания трапезы и разговора гости должны попрощаться, а хозяин уговаривает их остаться до тех пор, пока гости в третий раз не скажут, что они хотят уйти.

Издравле как высокопоставленные сановники и родовитая знать, так и гражданское население, впервые прибывая с визитом в некий гостеприимный дом, несли с собой подарки, из-

вестные как «Чжи цзянь чжи ли» (贄见之礼), что означает «подарок при первой встрече (знакомстве)» [1].

Тем не менее наибольшую эмоциональную окраску обретал сюжет расставания. Особенно в периоды социальной нестабильности, когда резко возрастала опасность для всяческих путешествий. Поэтому во время своего прощания как путешественники, так и их провожающие испытывали беспокойство о дороге и горечь разлуки. Так что для тех, кто отправлялся далеко, пожелание счастливого пути было лучшим утешением. Все, о чем люди могли думать во время прощания со своими близкими, – это молиться о божьих благословениях. Возникла идея жертвоприношения божеству дорог, и это был обычай, называвший «Цзу сун» (祖送) – «давать прощальный банкет». В таком виде провожающий получал компенсацию за свое беспокойство и у него возникало чувство вины за то, что он не может сопровождать и помогать путешественникам на их неведомом пути. Путешественники же также были благодарны и удовлетворены благословениями провожающих... Не случайно расставание, оставление спасительного дома всегда было главной темой в творениях китайской поэзии, изобилующей тонкой символикой.

Аналогичные сюжеты и их отражение в документальной и художественной литературе популярны и в белорусской культуре, также всячески воспевающей свой дом, сакральный в поминаниях «родны кут». Тем дороже для исследователей-культурологов их особенности и символика в компаративном межкультурном дискурсе.

В современном урбанизированном мире горожанин с большой вероятностью обнаружит в доме, куда он пришел гостем, практически ту же унифицированную обстановку, его ждет и незамысловатое, также типичное приветствие. С одной стороны, это упрощает общение, как и всякий паттерн или стереотип. Однако с другой стороны, это психологически упрощает, до предела профанирует, «расколдовывает» это событие, ранее имевшее в жизни народов значимый статус культурного кода, маркера идентичности.

1. Ван, Дань. Основные культурные характеристики китайских ритуалов и обычаев / Дань Ван // Культура и цивилизация. – 2019. – Т. 9. – № 5А. – С. 41–52.

2. Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп ; пер. с франц. – М. : Вост. лит., 1999. – 198 с.

3. Левинас, Э. Путь к Другому / Э. Левинас ; пер. Е. Бахтиной. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 240 с.

4. Леви-Стросс, К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности / К. Леви-Стросс ; пер. Е. Чебучева. – М. : Текст, 2016. – 160 с.

5. Подорога, В. А. Другой. Тема Другого / В. А. Подорога // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. – М., 2010. – Т. 1: А–Д. – С. 698–699.

6. Уокер, Дж. Р. Введение в гостеприимство : учебник / Дж. Р. Уокер ; пер. с англ. – М. : ЮНИТИ, 1999. – 463 с.

ТРАДИЦИОННЫЙ КИТАЙСКИЙ ДОМ В ЛАНДШАФТЕ – СИНТЕЗ ИСКУССТВ

И. В. Морозов,

*доктор культурологии, профессор,
профессор кафедры менеджмента социально-культурной деятельности;*

Ши Сюэфэн,

*соискатель ученой степени кандидата искусствоведения
Белорусского государственного университета культуры и искусств*

Китайская цивилизация возникла и развивалась на территории, отделенной от внешнего мира бескрайней пустыней, горными хребтами, океаном, благодаря чему она почти за 2 тыс. лет закономерно стала уникальной и впоследствии оказала значительное влияние на многие регионы и народы мира.

Изначально это была преимущественно аграрная цивилизация, основанная на обработке земли и жившая с ее плодородия. Китайский народ любит свою природу, глубоко понимая ее красоту, основанную на бесконечном разнообразии.

Поэтому при отсутствии в том или ином месте желаемых природных условий люди создают их сами, удивительно тонко отражая характерные черты избранного ландшафта; при этом как бы стираются границы между произведениями человека и природы [2, с. 70–82].

Начиная с прежних периодов, традиционная китайская архитектура самобытно и выразительно развивалась в гармонии с